

УДК 801.7

Т.С. Николина

О постференционной модели развертывания художественного текста

Текст создает особую материальную протяженность, которая, по мнению Е.С. Кубряковой, в лингвистическом отношении очерчена весьма точно физически, но семантически и семиотически – еще недостаточно [1].

Открытая природа знака – текста способствует его смысловому расширению как в плане означивания мира, реальности, так и в плане последующей интерпретации этого знака – текста. При этом единицы одного смыслового

поля в рамках текста соотносятся с единицами других смысловых полей, образуя, таким образом, сложное смысловое пространство. «Каждый элемент языка, – считает В.Н. Топоров, – перестает быть равным самому себе и обретает способность, моделируя мир, одновременно творить его заново» [2]. В этом процессе «сотворения» мира семантическая структура элементов языка определенным образом видоизменяется, пересоздается, если продолжить мысль В.Н. Топорова.

Продуцирование художественным текстом некоего нового знания может рассматриваться в двух планах: с точки зрения авторской практики означивания мира и с точки зрения воспринимающего сознания читателя. Выявлению такого нового знания служит предлагаемая нами постференционная модель.

Постференция – это перенесение смысловых признаков из одного смыслового поля (текста) в другие в процессе их семантических или семиотических взаимоотношений, в результате чего происходит амплификация данного поля (текста) за счет расширения его смыслового состава посредством компонентов (единиц или их сочетаний) другого поля (текста) и углубления его смысла в сравнении с узуальными языковыми смыслами. Значимость такого «амплифицированного» поля, а также взаимозависимость вступивших в отношения полей (текстов) выявляется в процессе анализа при помощи постференционной модели.

Постференционная модель служит связующей нитью между внутренним пространством текста и закодированной в нем определенной части пространства внешнего, фрагмента реальности. В этой модели находит отражение исследование реального мира, когда его (мира) экстенциональное пространство заменяется интенциональным пространством текста. При этом происходит выход за классификационные сетки языка, и новые термины могут прилагаться к старым референтам.

Принципом и целью функционирования любой системы является максимальное наращивание смысла, множественность воплощения входящих в нее структур, или никогда не заканчивающийся процесс становления. С точки зрения интерпретации текста как структуры в становлении логично допустить, что отдельные значения, признаки этого текста как некоей значимости могут служить и нередко служат импульсом, толчком для включения их в смысловые поля другого порядка.

Постференционная модель выполняет, таким образом, *метафункцию*, связывая два смысловых поля, создавая между ними точки соприкосновения и контакта, и лежит в основе образования смыслового пространства (совокупности всех смысловых полей, прямо или опосредованно относимых к данному тексту). Эту метафункцию можно также обозначить как корреспондентскую.

С ней самым тесным образом связана *онтологическая* функция, отсылающая к факту внеположенности смысловых полей, представляющая смысловое пространство либо в виде ризомы, по Делезу-Гваттари, либо в виде сети, по У. Эко, либо карты, по Х. Блуму, либо в виде распакованного семантического вакуума, по В.В. Налимову.

Эпистемологическая функция дает возможность идентифицировать все звенуальные смысловые поля, которые воспринимаются как варианты видения и интерпретации данного текста и в которых находит себя принцип мотивированной упорядоченности.

В постференционной модели заложен динамический потенциал, благодаря которому творчески переосмысливается, интерпретируется, разворачивается текст в силу своей знаковой природы и, тем самым, реализуется *диалектическая функция*.

В прагматической функции находит отражение индивидуальная точка зрения, взгляд на соотношение данного текста с каким-либо другим текстом, смысловым полем. Эта функция проявляет себя в тенденции к созданию безграничного семиозиса, вплоть до *néoplasme capscégeux*, по Эко, в желании интерпретатора придать тексту форму, соответствующую его намерениям.

Указателями действия в тексте постференционной модели будут постференционные маркеры – те дескриптивные компоненты, которые отсылают к другому смысловому полю. Применительно к анализируемому тексту постференционные маркеры, с одной стороны, насыщают его новыми смыслами, с другой стороны, способствуют новому квантованию, «распаковыванию» смысла, новой «проявленности» того, что «извечно задано», в терминологии В.В. Налимова.

В качестве материала нами использованы тексты-описания внутреннего пространства человека, достаточно широко представленные во французской литературе. Внутреннее пространство в текстах М. Пруста, А. Боско, А. Мишо, Ж.М.Г. Ле Клезю ощущается как река, вода, пустыня, дерево, ветер и т.д., то есть в семантическом плане можно вести речь о постференции, при которой смысловое поле внутреннего пространства обогащается за счет других, прямо с ним не связанных, полей, образуя в результате таких отношений обширное смысловое пространство.

Тот факт, что субъект описания «переживает описываемое как свою неотчуждаемую собственность, как некую неотъемлемую часть своего 'я'» [3], говорит о том, что невозможно мыслить тело, «видя в нем лишь объект строгих исследовательских процедур и закрывая глаза на феноменологию телесного опыта» [4].

Соглашаясь с мыслью В.Н. Топорова и усматривая закономерность в жесткой внутренней обусловленности текстов внутреннего пространства иными смысловыми полями, логично было бы вести речь об определенных константах применительно к текстам такого плана, или, иными словами, говорить о единых интегральных признаках. Внутреннее пространство уподобляется реке, ее притоку, где ледяные воды противопоставляются теплу сердца; внутри ощущается бесконечно влажный мир дождя; ветер, опустошая внутреннее пространство, проникает в него, становится ураганом, превращая человека в летящий кусочек пространства или часть пустыни.

На аналогичную мысль наводят и тексты восприятия своего размера как огромного, беспредельного или наоборот очень маленького. Г. Башляр по этому поводу отмечает: «Беспредельность внутри нас. Она связана со своего рода экспансией души – ее сдерживает жизнь, приостанавливает осторожность, но она возобновляется в одиночестве... Беспредельность – это движение неподвижного человека..., одна из динамических характеристик спокойной грезы» [5]. Осознание внутреннего пространства может тяготеть к двум полюсам: с одной стороны – внутренняя глубина и безграничность, с другой – ощущение крошечности, карликовости: *Et cependant j'éprouvais une gêne; mon être était devenu gauche. Plus d'exaltation. Ma lucidité anormale avait disparu. A sa place une intelligence claire et banale me réduisait à mes prosaïques dimensions. Mais, fait étrange, les êtres et les choses au milieu desquels je vivais, conservaient leur nature redoutable. Sous leur grandeur intacte, moi, tout à coup diminué, je faisais figure de nain* [6].

Явления такого порядка только на первый взгляд кажутся хаотичными. Сам факт интерпретации себя и своего «я» непосредственно связан с постоянным сравнением, одной из сторон которого выступает окружающий мир, внешнее пространство.

В некоторых текстах прослеживается представление своего внутреннего пространства в виде круга, шара. «Образы наполненной округлости помогают нам собраться внутренне. В самих себе обрести первооснову, утвердить свое бытие изнутри, из самых глубин. Ибо переживаемое изнутри, не овнешненное бытие может быть только круглым» [5, с. 200]. Это весьма схоже с мыслью К. Ясперса: «Всякое бытие в себе кажется круглым» [7].

А. Мишо, например, часто использует образ шара, чтобы охарактеризовать детскую форму самодостаточности, которая противоположна ситуации взрослого человека, живущего в постоянной зависимости от других людей. С этой точки зрения ребенок подобен пустыне, где ничего не зафиксировано.

Другой вариант – нахождение в шаре, или помещение себя в него, несущее покой, защиту, напоминающее, очевидно, архетипическое эмбриональное состояние: *Je suis parfois si profondément engagé en moi-même en une boule unique et dense que, assis sur une chaise, à pas deux mètres de la lampe posée sur ma table de travail, c'est à grand-peine et après un long temps que, les yeux cependant grands ouverts, j'arrive à lancer jusqu'à elle un regard* [8].

Иногда тело бывает навязчивым, оно давит, ощущается его непомерная тяжесть. В некоторых случаях внутреннее пространство становится электрическим, намагниченным, ярким, светящимся со вспышками искр, напряжением. Иногда возникает ощущение горящего внутри огня, пламени.

Внутреннее пространство мыслится как многослойное, структурированное по принципу матрешки, заключенных друг в друга емкостей. Человек ощущает его глубину, представляет свое тело в виде сосуда, заполненного неким содержимым, при этом наружная оболочка, граница его может преодолеваться.

Внутреннее пространство неоднородно. Порой оно воспринимается как путь, дорога для каких-либо энергий, сил, в некоторых случаях даже непонятных, неосознанных: *...je savais tout et bien. Cette précision m'immobilisait l'âme. Les mouvements qui m'animaient, ne touchaient qu'à mes réflexions. Elles se formaient clairement mais restaient séparées de moi, qui profondément attendais. Il ne m'en venait qu'un bruit sourd, des vues nettes et le dessin mental d'une volonté simple, dont nulle onde secrète ne brouillait la ligne* [6, с. 372].

Топос тела представляет собой замкнутое пространство, находящееся иногда в противоречивых отношениях с безбрежным духовным пространством.

Все осознания своего «инфра-я», своей глубины происходят от присущего человеку чувства углубления. «Мы – глубокие существа. Мы прячемся под поверхностями, под внешностью, под масками, но прячемся мы не только от других, но и от самих себя... Возвращение в нас самих дает лишь первую стадию этой медитации с погружением... Зачастую мы полагаем, будто описываем всего лишь мир образов, а в это самое время мы спускаемся вглубь нашей собственной тайны. Мы вертикально изоморфны великим образам глубины» [5, с. 240].

Ле Клезю предлагает слиться с внешним пространством, раствориться в нем: *Etre vide, vraiment vide, comme une grotte profonde, comme le ciel, comme les plaines. Etre vide, non pas comme on est absent – le gouffre, le vertige avant la chute – mais en étendant son corps et son âme dans l'espace. S'étendre, se taire, et ne plus voir personne, personne* [9].

В теоретическом плане дополнительные смыслы, вплетающиеся в тексты внутреннего пространства человека, создают особый срез, характерной приметой которого является динамика – разрыв с единственно возможным смыслом и поиск новых миров-множеств (не в числовом, а в онтологическом их выражении). Однако это новое, связанное с динамикой, накладывается на нечто данное, исходное, которое предполагает константность и заставляет

говорить о единстве «обозначающих сил и сил, создающих обозначаемое», по Гумбольдту [10].

Применяя постференционную модель к текстам соматического плана, можно выделить следующие смысловые поля:

Вода (тело, которое заполнено водной субстанцией в различных ее агрегатных состояниях). Постференционные маркеры: *des eaux glaciales et tristes, une branche du fleuve, la puissance et la grandeur fluviales, une créature du fleuve, le courant me traversait, la masse fluide en mouvement, le monde interminablement humide de la pluie, une pluie de neige, la neige, la glace.*

Размер (или маленький, или, наоборот, большой). Постференционные маркеры: *un vase, au fond de moi, des profondeurs, une pomme, le sentiment de la grandeur, ma petitesse, ce monde colossal, puissance surhumaine, un monde démesuré, des espaces immenses, ces étendues infinies, des hauteurs, des profondeurs, une ampleur retentissante, une puissance inattendue, la matière énorme, ma médiocrité, trop lourde, la majesté, dans la grandeur, un grand corps sonore, la mesure des hauteurs et des profondeurs solennelles, mes prosaïques dimensions, grandeur intacte, tout à coup diminué, figure de nain, petit, pauvre, mesquin, la grandeur injustifiable, la débilité de mon corps.*

Геометрические формы: шар (внутри, или нахождение в нем): *une balle, une sorte de trou, une bulle d'air, prête à crever sans bruit, sauter sur les lieux, cette bulle fragile, un imperceptible point de phosphore, une boule hermétique et suffisante, une pomme.*

Давление, состояние тяжести: *étourdi, hébété, chargé d'un poids plus lourd, l'importunité de mon corps, il pesait sur tous mes membres, une morne lassitude, sa masse, le poids de la matière inanimée, du plomb.*

Свет, электричество: *une lucidité suraturelle, étincelles, pétilllements électriques, tensions, lucide.*

Огонь, тепло: *brûlait anormalement, flambait, le feu vital.*

Воздух: *le vent m'avait pénétré, vidé, j'étais fait de vent, déchirée par les vents, s'envolait, des gerbes de vents, en spirales folles, ces faibles tourbillons, la tempête, un morceau volant, l'ouragan.*

Таким образом, смысловое поле внутреннего пространства оказывается семантически связанным со смысловыми полями воды, воздуха, размера, геометрической формы, огня, давления. Определенная повторяемость таких постференций в текстах одного автора или текстах разных авторов позволяет вести речь о постференционной изотопии – совокупности семантически сближенных элементов.

Кроме того, постференционная модель дает возможность проследить смысловые соотношения соматического топоса в аспекте двух глобальных для него хронотопов: рождения и смерти. Между пространством жизни и пространством смерти существует граница, поэтому в текстах, описывающих смерть, появляются зоны, где текст переходит как бы в другое пространство, то есть возникает зона появления постференционных маркеров, там начинает свою работу постференционная модель.

Mais déjà Adam avait disparu aux yeux de tous, comme il avait dû disparaître aux yeux de sa mère, de Michèle, et de beaucoup d'autres; isolé à l'extrémité éclairée de l'infirmerie, il flottait quelque peu, de ses membres grêles, de sa tête ovoïde, de sa main gauche où collait une cigarette horizontale. Son corps, tenu bien droit sur la chaise de métal, semblait fumer. au sein d'un chaos involontaire; un rien, sa mâchoire de prognathe, son front perlé de sueur, et peut-être ses yeux triangulaires, servaient à le métamorphoser en créature préhistorique. On aurait dit qu'il émergeait sans cesse d'une eau trouble et jaune, sous forme de volatile lacustre, les plumes plaquées sur la peau, chaque muscle microscopique en

mouvement pour l'élever vers l'éther. Sa voix se déroulait sur le peuple terrestre, plus trop compréhensible, et l'entraînait sur ses ondes comme un cerf-volant. Au-dessus de lui, près du plafond, deux sphères azurées se bousculaient, répercutant en orages magnétiques les chocs de leurs enflures adverses. C'était comme l'idée d'un Dieu des destins, un noeud de mystères et de canonisations, né un jour de l'étincelle entre deux rouages de locomotive. Adam se transformait en mer. A moins qu'il ne se fût endormi, sans posture, à la suite de l'influence magnétique du regard de Julienne R., ou de la persuasion hypnotique d'un simple pyjama à rayures. En tout cas, il voguait en arrière, mou, transparent, ondulant, et dans sa bouche les mots se heurtaient comme des galets, en produisant de curieux borborygmes. Tout un réseau de bouillonnement avait garni la pièce étroite, et les autres étaient en danger de le suivre. Quand Adam s'arrêta de parler, et se mit à pousser de faibles grognements, le médecin se décida à agir; mais c'était trop tard. Il cria deux ou trois fois, ... en secouant Adam par les épaules. Puis il vit sur cette tête maigre, aiguisant cette physionomie parcheminée, une espèce de rictus. Ça commençait haut, juste au-dessous des pommettes, et ça fendait le visage en deux sans écarter les lèvres, sans montrer la moindre incisive. Alors, il abandonna tout espoir, et fit appeler l'infirmière. Longuement, un à un, ils évacuèrent la pièce froide, tandis qu'on emmenait Adam titubant à travers les couloirs.

Au coeur de son sommeil, Adam sentit qu'ils partaient; ses lèvres bougèrent, et il faillit murmurer «au revoir». Pas même un grognement ne sortit de sa gorge [11].

Постференционные маркеры изменяют «ландшафт» повествования: от равнинного пейзажа он переходит, например, к морскому или горному, или наоборот. В тексте Ле Клезю море (если воспользоваться терминологией Топорова) – тот локус, где «прорыв сквозь предметное бытие» в «мир свободной воли», в «иной план бытия» происходит «особенно естественно и относит человека в одну из двух смежных и имеющих общий исток областей – в царство смерти и царство сновидений» [12].

Il pensait peut-être, tout bas, tout ténu, longtemps avant ses cordes vocales gelées, qu'il était bien dans son domaine. Qu'il l'avait enfin trouvée, la belle maison rêvée, fraîche et blanche, bâtie en plein silence au centre d'un jardin merveilleux. Il se disait qu'il était heureux, tout seul dans sa chambre peinte en beige, avec une seule fenêtre d'où coulaient toujours les bruits de paix. Il n'était pas contre; il allait l'avoir, ce repos pérenne, cette nuit boréale, avec son soleil de minuit, avec des gens pour s'occuper de lui; des promenades au grand air et des sommeils souterrains... Dehors, le soleil fait craquer les feuilles mortes et la pluie cliqueter les feuilles vivantes... C'est le moment de creuser son trou dans la terre, en écartant les brindilles et les grumeaux, avant de s'y enfouir, pieds les premiers, bien au secret, pour passer un hiver de malade... C'est le moment de fuir à l'envers, et de remonter les étapes du temps passé. L'on est pris dans la stupeur des soirées d'enfance, comme dans de la glu; et l'on se noie au milieu du brouillard, après quelque repas, en face d'une assiette décorée de houx, étrangement vide, où traînent encore des plaques de potage. Puis viendra le temps des berceaux, et l'on meurt étouffé dans les langes, suffoquant de petitesse et de rage. Mais c'est anodin. Car il faut aller plus loin encore, rétrograder dans le sang et le pus, jusqu'au ventre de sa mère, où, bras et jambes en posture de l'oeuf, l'on s'endort la tête contre la membrane de caoutchouc, d'un sommeil obscur peuplé d'étranges cauchemars terrestres... Adam, tout seul, étendu sur le lit sous une stratification de courants d'air, n'attend plus rien. Il vit énormément, et ses prunelles regardent le plafond, là où, il y a 3 ans, l'hémorragie du 17 a percé. Il sait que les gens sont partis, assez loin, maintenant. Il va dormir vaguement dans le monde qu'on lui donne; en face de la lucarne, comme pour répondre aux six

croix gammées des barreaux, une seule et unique croix pendille au mur, en nacre et en rose. Il est dans l'huître, et l'huître au fond de la mer [11].

Поначалу Адам осуществляет попытки подняться вверх (воздух, жизнь) из мутной, желтой воды моря (смерть), обратиться к земным существам (земля, жизнь) с поверхности морских волн (море, смерть). Возникают образы водной птицы и бумажного змея (вода – воздух). Оскал делит лицо на две части (опять мотив двойственности состояний).

Выделяются постференционные маркеры перехода границы, изменения из-за этого своего состояния, превращения в другое существо, распадаения целого тела на отдельные фрагменты. Подобные маркеры появляются в моменты наибольшего семантического напряжения. *Isolé à l'extrémité éclairée de l'infirmerie, ses membres grêles, sa tête ovoïde, sa main gauche où collait une cigarette horizontale, un chaos involontaire, un rien, sa mâchoire de prognathe, son front perlé de sueur, ses yeux triangulaires, métamorphoser, créature préhistorique, volatile lacustre, un cerf-volant, un noeud de mystères et de canonisations, sans posture, à la suite de l'influence magnétique, la persuasion hypnotique, un réseau de bouillonnement, en danger de le suivre, s'arrêta de parler, tête maigre, aiguisant, physionomie parcheminée, une espèce de rictus, fendait le visage en deux, sans écarter les lèvres, ses cordes vocales gelées, le moment de creuser son trou dans la terre, s'y enfouir, pieds les premiers, il faut aller plus loin encore, rétrograder dans le sang et le pus, se noie au milieu du brouillard, un sommeil obscur peuplé d'étranges cauchemars terrestres, les gens sont partis, assez loin, maintenant, il va dormir vaguement.*

С телом происходят следующие метаморфозы: вначале это *corps, tenu bien droit*, выделяются только *ses membres grêles, sa tête ovoïde, sa main gauche*, затем это *créature préhistorique* (возвращение к истокам даже не одной человеческой жизни, а целой цивилизации), состоящее из отдельных органов (расчленение): *sa mâchoire de prognathe, son front perlé de sueur, ses yeux triangulaires*. Позже тело предстает как *volatile lacustre, les plumes plaquées sur la peau* (появляется водная семантика), *bras et jambes en posture de l'oeuf, la tête contre la membrane de caoutchouc* (яйцо-зародыш). Завершает этот цикл *l'huître, et l'huître au fond de la mer*.

Смерть часто, и это отмечает в своих исследованиях В.Н. Топоров, семантически связана с морем, то есть их смысловые поля пересекаются. В этой «морской» постференции можно, вслед за Топоровым, выделить несколько мотивов: граница (суша – море), которая и с географической точки зрения характеризуется перепадом (верх – низ). Точки измеряются как высоты над уровнем моря. Мотив колыхания-колебания на поверхности моря, мотив дна моря как образ смерти и ужаса или огромного депозитария. «Море..., являющееся основой «морского» комплекса, амбивалентно, поскольку оно как бы продолжает образ первозданных вод, которые сами были двуприродны: с одной стороны, как наследие Хаоса, они были лишь водами смерти, а с другой, как основа-опора (Grund) и ядро космоизирующегося мира они были водами жизни...» [12].

В тексте Ле Клезюо постференционными маркерами этого смыслового поля служат: *émergeait sans cesse d'une eau trouble et jaune, flottait quelque peu, volatile lacustre, chaque muscle microscopique en mouvement pour l'élever vers l'éther, se transformait en mer, voguait en arrière, mou, transparent, ondulant, se noie, il est dans l'huître, et l'huître au fond de la mer*. Проводится параллель между состоянием яйца-зародыша в животе матери *la tête contre la membrane de caoutchouc* и устрицей в глубине моря *l'huître au fond de la mer*.

Следует отметить еще один возникающий мотив, или постференционную проекцию в смысловое поле дома (в конкретном случае дома, который долго искали, дома долгожданного): *la belle maison rêvée, fraîche et blanche, bâtie en*

plein silence au centre d'un jardin merveilleux, la chambre peinte en beige, avec une seule fenêtre (символ границы между мирами) *d'où coulaient toujours les bruits de paix*. В этом доме герой обретает *ce repos pérenne, cette nuit boréale, avec son soleil de minuit, avec des gens pour s'occuper de lui; des promenades au grand air et des sommeils souterrains* (смерть как вечный покой, подземный сон с северной (холодной) ночью и полуночным солнцем (луной)).

Таким образом, смысловое поле смерти осуществляет свои проекции в смысловые поля моря, водной субстанции (первозданные воды; воды, окружающие зародыш; воды мутные, желтые), перехода границы (жизнь, воздух, верх, высота, бумажный змей, водная птица и безвоздушное пространство, закрытость, устрица, яйцо-зародыш, глубина), дома.

Если попытаться живописно изобразить постференционную изотопию, выявляемую в текстах внутреннего пространства, то неизбежно придется воспользоваться таким приемом изобразительного искусства, как суммирование, при котором происходит совмещение разновременных и/или разнопространственных явлений.

Итак, предложенная нами постференционная модель расширяет перспективу анализа текста, выявляя связи между различными смысловыми полями, фиксируя те или иные динамические моменты, создающие предпосылки, с синергетической точки зрения для самоорганизации текста. Кроме того, постференционная модель дает возможность говорить об определенной постференционной изотопии, которая регистрируется при помощи этой модели.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кубрякова, Е.С.* О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. – М., 2001. – С. 79.
2. *Топоров, В.Н.* Исследования по этимологии и семантике. – Т. 1: Теория и некоторые частные ее приложения. – М., 2005. – С. 90.
3. *Топоров, В.Н.* О «поэтическом» комплексе моря и его психофизиологических основах // История культуры и поэтика. – М., 1993. – С. 14.
4. *Подорога, В.А.* Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. Материалы лекционных курсов 1992–1994 годов. – М., 1995. – С. 6.
5. *Башляр, Г.* Избранное: Поэтика пространства. – М., 2004. – С. 162.
6. *Bosco, H.* Malicroix. – P., 1980. – S. 151.
7. *Jaspers, K.* Von der Wahrheit. – München, 1958. – S. 50.
8. *Michaux, H.* Plume précédé de Lointain intérieur. – P., 2000.
9. *Le Clézio, J.M.G.* L'Inconnu sur la terre. – P., 1978. – S. 133.
10. *Гумбольдт, В. фон.* Избранные труды по языкознанию. – М., 1984. – С. 98.
11. *Le Clézio, J.M.G.* Le procès-verbal. – P., 1981. – S. 307–309.
12. *Топоров, В.Н.* Странный Тургенев. – М., 1998. – С. 12.

S U M M A R Y

The article discusses a postferencial model, which broadens the prospect of text analysis by identifying links between different semantic fields and fixing dynamic shades, which create prerequisites for the text self-organization. Besides postferencial model allows to speak about certain postferencial isotopy, which is registered by means of this model.

Поступила в редакцию 24.03.2006